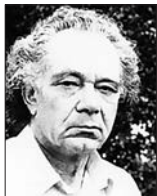

Выверяю, соответствует ли творчество фамилии писателя и насколько фамилия влияет на писательский продукт и, конечно, успех. Делать нечего, сижу вот и думаю. Не могу определить, как влияет и на сколько градусов, но то, что влияет и соответствует, — факт неоспоримый. Беру красноярцев.

Астафьев. Ас. Ас от первых рассказов до последнего романа. Всё ас.

Астраханцев. Ас по своему упрямству на пути к успеху, что видится ему за горизонтом где-то. Успех-то. Дай-то Бог терпеливому.

Белкин. Всё у него по-зимнему белое, суровое — снежные чистые сугробы на всём открытом пространстве.

Шанин. Ровная широта, как и в самой букве «Ш». В общем, «ша». Только у него мог получиться «Памятник для матери».

Бушков. Бушует. Хорошо бушует. В масштабах всей России и зарубежья ближнего, злую зависть у коллег вызывает, что его только зудит и раззадоривает.

Уразов. Ура! Притом «ура» только раз. Ну да — раз. Одна заметная книга. На вторую вряд ли будет «ура».

Буйлов. Достаточно прочитать одну страницу любой его вещи, как становится ясно, с кем имеешь дело.

Успенский. Ясно: успешность. И другого результата не предвидится.

Русаков. Чеховская русскость. Русость. Яркости нет, а есть мягкость в каждой фразе, в слове отменная, то есть пластика, что скрадывает русость.

Кузичкин. Вид у парня неприметный, русский, а вот сам он и герои его постоянно что-то куют, некрупное, а куют, нужное, дельное. А будь он Кузнецов, не Кузичкин,— ковалось бы что-то более крупное, например, как у Анатолия Кузнецова, прославившегося по миру знаменитой повестью «Продолжение легенды», которую тот сковал-написал на одной из сибирских ГЭС.

Вот что сочиняется, когда делать-то нечего и в голове пусто, извиняюсь. Далее попробую, если будет охота, проследить других писателей, и не только красноярских. И если, конечно, у вас будет охота к чтению моих заметок.